

Дмитрий Евгеньевич: Дайте мне начать. Мы же съедаем время докладчиков сейчас из-за этой флэшки, а это недопустимо, техника не должна мешать человеку. Наш разговор от реиндустриализации к промышленной политике переходит в целом. У нас достаточно много и плановых, и внеплановых коллег, и мне хотелось бы всем дать слово. Я скажу то, что сказал, и там, поскольку вижу много новых лиц, планируется издание и трудов форума. Насчет трудов форума, я не знаю, но то, что в моей компетенции, то это я сделаю точно. По крайней мере, для своего круглого стола и для своей секции. Вот лежит номер, его можно брать, там - журнал «Экономическое зарождение России», есть еще такой журнал, как «Труды института экономики РАН». Все журналы ВАКовские, российские коллеги знают, что это такое, они имеют достаточно большой круг подписчиков.

Вот здесь неслучайно написаны электронные адреса, раз-два-три-четыре. Самый верхний адрес – это мой адрес, institutekonomikids@inecom.ru. Успели вы выступить, или это по какой-то причине не получилось, но мы постараемся с Сергеем Дмитриевичем постараемся дать слово всем. Просьба: если вы считаете необходимым, чтобы то, что вы здесь высказали, или не успели высказать широкой научной общественности, прислать до конца апреля. Вы знаете адреса, на мой адрес точно присылать, на первый, institutekonomikids@inecom.ru, статью в пределах 0,7-0,8 печатного листа. Напоминаю, печатный лист – 40 000 знаков. Но эта статья примется, и мы посвятим специальные номера нашего журнала с Сергеем Дмитриевичем. Сергей Дмитриевич, я говорю, как член редколлегии вашего журнала, что у нас тут перекрестная ситуация. Мы посвятим специальные номера журналов именно работе нашего круглого стола, нашей секции. Но эти статьи будут приняты, за исключением наших зарубежных гостей. Статьи зарубежных гостей мы примем, а от российских участников мы примем статью только в том случае, если кроме статьи к ней будет на пару страниц максимум конкретные предложения. Где, в каких нормативных актах, или постановлениях, или принять, в общем, конкретные предложения, что надо сделать, чтобы то, что вы написали в статье, реализовалось в жизни. Потому что из них мы попытаемся сформулировать некий документ, который, используя наши возможности, будут продвигать, вплоть до самого высокого уровня. Но там уже читается конкретный документ, а не научная статья, вы понимаете? Вот от российских это – обязательное условие, если вы хотите, чтобы ваш доклад публиковался.

Ну, а сейчас мы начинаем нашу работу, и сразу хочу сказать, мы делаем так, мы с Сергеем Дмитриевичем это обговорили, мы в первую очередь дадим слово нашим гостям. Я имею в виду, гостям в широком смысле, как гостям не из Москвы, а из других городов, в том числе из Санкт-Петербурга.

[00:05:09]

И, естественно, нашим зарубежным гостям, потому что москвичи друг друга более-менее знают, представляют, кто, что говорить будет. А потом пойдут москвичи, ладно? И в первую очередь будем давать москвичам слово представителям реального сектора экономики, у которых не получилось на первой части, сейчас продолжим это, ученые послушают, что говорят. И так, вот мы и начнем. Давай, представляй, откуда гость.

Сергей Дмитриевич: Я бы хотел, уважаемые коллеги, предоставить слово очень уважаемому в Петербурге человеку, и человеку, который много сделал для развития экономики Петербурга,

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

промышленности Петербурга, один из авторов, руководитель рабочей группы по подготовке концепции развития промышленности Санкт-Петербурга, проректору Петербургского университета Александру Евсеевичу Карлик, доктору экономических наук, профессору, руководителю, и так далее.

Дмитрий Евгеньевич: Профессора Карлика москвичам тоже представлять не надо. Его хорошо знают. И я прошу, коллеги, это не к вам, а ко всем: давайте укладываться в пределы 10 минут, чтобы каждый мог сказать. Самое главное, самое основное.

Карлик А.Е.: Уважаемые коллеги, почему вообще стоит вопрос о промышленной политике мегаполиса? Понимаете, Петербург достаточно сложный город. Вот здесь представлены [нрзб.00:07:40], они все есть, это уже исторический центр Северо-западного федерального округа, балтийского региона Европы, политический центр. Это - культурный центр, никто это отрицать не будет, это образовательный и научный центр, деловой финансовый центр, это туристический центр, промышленный центр. Поскольку по дороге в Европу, то это – транспортно-логистический центр. И проблема в том, что достаточно длительное время Петербургу пытались присвоить одну функцию какую-то, культурная столица, и все. Значит, промышленность исключается. Финансовая столица, промышленность исключается. Туристическая столица, промышленность исключается. Но если мы посмотрим буквально в двух словах генезис Петербурга, то еще, скажем, до революции, 14-й год, это был промышленный город. 15% промышленной продукции России производилось в Санкт-Петербурге. 90% судостроения было в Санкт-Петербурге. 90% тяжелого машиностроения было в Санкт-Петербурге. То есть, уже прослеживается определенная наследственность.

Здесь приведены показатели, которые характеризуют роль промышленности именно Санкт-Петербурга и России. Прежде всего, это примерно сейчас уже 9%, обрабатывающей промышленности России. Это уже 13%, доля в гос. оборон. заказе. Ну, а для Петербурга, это 41% отчислений под Петербургом в бюджет. Ну, и ВВП промышленное составляет 25%. То есть, вроде бы, на первый взгляд, вопрос не стоит, развивать промышленность или не развивать. Промышленность играет структурообразующую роль мегаполиса, так же, как того же самого Чикаго, того же самого Лос-Анджелеса. Примерная доля промышленности вот этих городов в валовом внутреннем продукте Штатов, примерно такая же, как в Петербурге.

[00:10:07]

То есть, вопрос развития промышленности России не должен был бы стоять, но, честно говоря, с помощью Сергея Дмитриевича, который, кстати, я не сказал этого, является одним из ведущих разработчиков вот этой концепции, и не только разработчиков, но и реализует ее, я бы сказал так: пробивает ее. Потому что, к сожалению, промышленность приходилось пробивать. Предполагалось, что мы перешли уже в постиндустриальное общество, которое, как известно, характеризуется ростом доли услуг и падением в доле реального сектора экономики, но куда девать 25% ВВП, куда девать 358 тысяч человек, которые работают, и их семьи? То есть, стоит вопрос о том, что промышленность должна развиваться. Но промышленность модернизирует экономику. В данном случае, сама промышленность уже нуждается в модернизации. В нее не вкладывали очень долгое время никаких инвестиций, кроме малых.

В рамках анализа промышленного комплекса были выделены сектора промышленности экономики, в принципе, которые будут конкурентоспособны, они представлены на этом рисунке, я

их повторять не буду, лишняя фраза. Вот какие отрасли были выделены, как перспективные отрасли промышленности. Естественно, выделялись они не просто так. Они были выделены на основе анализа динамики, анализа потенциальных рынков, и так далее. Это – отрасли, в основном традиционные для Петербурга. Энергетическое машиностроение, я думаю, всем известно еще с того времени, «Электро Россия», металлический завод, это мощные турбины, генераторы, и так далее. Судостроение, судоремонт – 75% НИИ КБ судового профиля находится в Петербурге. Петербург – один из четырех центров компании ОСК. Транспортное машиностроение – сравнительно новое. Хотя транспортное машиностроение для отраслей, для строительства, для сельского хозяйства, и так далее, было. Но вот несколько лет назад, появился так называемый кластер автомобилестроения. Кластером его можно назвать с натяжкой, но есть предприятия, которые производят автомобили, наблюдается рост, нормально, в общем. Более новыми являются отрасли, связанные с IT-технологиями, и, конечно, фармацевтическая промышленность. Она существовала, но достаточно стабильно в зачаточном состоянии, скажем так.

Какие проблемы стоят на пути развития? Первое, что промышленность города утратила основное техническое лидерство. То есть, на глобальных рынках, на инновационных рынках промышленность мало представлена. Второе вытекает из того, что я сказал, в Петербурге сконцентрированы исторически сложившиеся производства. А что такое исторически сложившиеся производства? Это, во-первых, ограниченный ареал его существования, поскольку город разросся, и они уже оказались в центре города, естественно, их пытаются оттуда вывести, причем достаточно жесткими путями, увеличение налога на землю, и так далее. Но и выходить им там, в общем-то, некуда. Почему? Потому, что если существует, скажем, Липецкая область, там есть город Липецк, и есть Липецкая область, не отдельно. А здесь два субъекта: Ленинградская область и Петербург. То есть, выводить предприятие в область – потерять налоги. А иначе развивать тяжело. Следующее – конечно, система подготовка кадров. Я, к сожалению, не был на круглом столе, но я думаю, что об этом говорили, потому, что профессиональное обучение достаточно быстро было потеряно, и попытки его возобновить, они постоянно происходят, но пока не приносят такого широкого успеха. В отдельной, точечной попытке дают успех. Еще одна проблема, одна из основных: ставка была сделана на рынки, которые прошли свой пик уже, то есть, это те же самые фармацевтика, информационные технологии, то же автомобилестроение, -мы поздно начали все это развивать.

[00:15:02]

И, наконец, это, наверное, еще с советских времен, что во всех программах инновационного развития, в первую очередь, делался акцент на достижении технических параметров. То есть, создать изделие с хорошими параметрами. А дальше что с ним будет, и через сколько лет оно может пойти в серийное производство, к сожалению, это повторение того, что было, вы помните это, конечно.

Конечно, в Петербурге есть конкурентные преимущества, они приведены здесь, но я приведу в словах только 2. Первое – это удобное географическое и благоприятное транспортное положение города. Далее – имеющийся потенциал предприятий именно обрабатывающих отраслей промышленности. Далее – то, что Петербург является структурообразующим центром северо-запада, не только промышленный, транспортный, деловой, торговый, культурный, и так далее. Ну, и, наконец, конечно, плюс – формирующаяся кластерная инфраструктура. Можно, конечно,

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

говорить, что слово «кластер» становится ругательным, потому что оно употребляется везде. Что бы ни говорили, это кластер. Но, тем не менее, объективно-то он существует. И если он складывается объективно, да еще и при помощи органов правления региона, то тогда он, действительно, имеет перспективы.

И вот здесь то, чем мы сейчас, действительно, занимаемся. Когда мы делали эту концепцию, она была разлучена на промышленном совете в Санкт-Петербурге в ноябре месяце, тогда еще сценарий соответствовал инновационному варианту сценария развития российской экономики до 20-го года, то, что Минэкономразвития делало. Ну, и понятно, что сейчас этот сценарий, несколько месяцев назад, он был не гениальный. Поэтому, сейчас, в рамках этой концепции, была сделана работа по прогнозу развития Санкт-Петербурга, но это такая, сравнительно небольшая работа до 40-го года, буквально ее издали в феврале, она уже учитывает те внешние экономические и политические некоторые коллизии, которые произошли, но сейчас мы будем дорабатывать ее до конца. И вот здесь я, как раз, привел некоторые изменения внешнеэкономических условий, которые влияют на возможность развития промышленности. И, прежде всего, что мне бы хотелось сказать, что Петербург – город оборонной промышленности. Я бы даже сказал, что 13 %. И в этой оборонной промышленности, Сергей Дмитриевич это очень хорошо знает, от 20% до 40% комплектующих доставляются из-за рубежа. То есть, пока все было спокойно, можно было на это все спокойно смотреть. То, что произошло сейчас во внешней политической сфере, уже заставляет не только задуматься, а заставляет делать и вводить новое производство, то есть то, о чем мы говорили десятки лет. Импортзамещение. В этой концепции были сформулированы задачи, и целевые индикаторы развития промышленного комплекса. Мы пересматривали сейчас концепцию в связи с новыми условиями, но, тем не менее, эти индикаторы, мы считаем, что можно достичь, и это наш долг. Я закончу, наверно.

Дмитрий Евгеньевич: Коллеги, вопросы есть? К Александру Евсеевичу. А вы знаете, у меня есть вопрос. Он не в русле нашего сегодняшнего обсуждения, но все-таки, я люблю очень Питер, у меня очень близкий друг там. Кто его называет город-музей, северная Пальмира, северная Венеция, Александр Евсеевич, вы не владеете, или кто-нибудь из питерских здесь владеет информацией, сколько туризм, по сравнению с Венецией, приносит Петербургу? Сколько туристы оставляют денег по сравнению с Венецией, со Стамбулом? Я соразмерные города называю.

Карлик А.Е.: Я не могу сказать сколько денег, но примерно, 0 целых...

Дмитрий Евгеньевич: Так, все, спасибо, я вас понял. Я хотел бы, чтобы все вас услышали.

[00:20:00].

Чего стоят все эти слова о северной Пальмире?

Карлик А.Е.: Это меньше, чем деньги, которые поступают в бюджет Петербурга от промышленности, от промышленности больше 30 % сегодня, не считая малого бизнеса промышленного.

Дмитрий Евгеньевич: У меня вопрос, называть Петербург, как промышленный центр или как интеллектуальный и туристический центр? Не знаю, я москвич.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Карлик А.Е.: Вопрос такой, а на что будет жить город?

Дмитрий Евгеньевич: А на что живет Венеция? А на что живет Стамбул?

Карлик А.Е.: А сколько Венеция вложила туда?

Дмитрий Евгеньевич: А вы хотите получать, ничего не вложив? А чтобы звать промышленность, тоже вкладывать надо.

Карлик А.Е.: Там же деньги большие были вложены, в ту же Венецию и в Стамбул.

Дмитрий Евгеньевич: Правильно.

Карлик А.Е.: Уважаемые коллеги, я могу сказать, что, с одной стороны, я очень люблю Санкт-Петербург как центр культуры, где много чего есть, что не стоит сегодня обсуждать это. Но, в то же время, я могу сказать и другое, что Петербург город очень разнообразный, так сказать, конгломированный, в нем есть много того, что нет в других городах, и это надо использовать. Но, в тоже время, я не думаю, что было бы правильным делать из Петербурга только лишь некий туристический центр, потому что Петербург это мощнейшая в наших российских условиях промышленность, это и большой комплекс жилищного строительства, это центр большого региона с разнообразными связями в разных отраслях экономики и так далее. Я считаю, что надо и то, и другое, и третье надо развивать правильно, так, чтобы было удобно в Петербурге жить и человеку и приезшему туристу. Поэтому сейчас готовится концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга, где концепция развития промышленности будет большой.

Дмитрий Евгеньевич: Стратегия уже есть, куда удалось вставить блок промышленности. Это вы с Московской стратегии слизали этот термин.

Карлик А.Е.: Это не мы слизали, это я вам точно говорю, это Москва.

Дмитрий Евгеньевич: Ладно, все, спасибо большое! Коллеги, мы предоставляем слово... Господин Алан Фриман, London Metropolitan University, профессор. И попрошу подготовиться господину Жан Луи Тревилю.

Алан Фриман: Спасибо! Does this work? Can you hear me? Is the translation working? Идет. Хорошо. Извините, что я не говорю. Только немножко по-русски. So, I'm going to introduce 2 words: one is the new global economy, the other is high-end labor. For those, who attended the last session, I apologize, there will be some repetition. I have to go forward. Why high-end labor? Everybody speaks of high and manufactory, I'm going to speak of high-end labor, because it is the labor that performs services, which cannot be replaced by machine. To this I give the description the non-substitutable labor, labor, that cannot be substituted. I give you some example: architects, video makers, publishers, authors, artists, software designers, advertisers, the list is a very large one, and it is extending. I give you 2 examples: the first example I should actually go back, and pick a piece of high-end labor equipment from my rucksack.

[00:25:00]

This was a computer, which was produced as soon as the new Windows 8 software was produced. You don't have Windows 8. When the new software emerged, everybody wanted a new computer in order to

use the new software. This was not postindustrial, you didn't have pure software floating in thin air, you had high-tech machinery that you need to buy in order to make that software work. This is the nature of high-end labor; it is labor that uses high technology. This is how it works: this much you know; that much you may know; that much you've never seen before. It's called the Yoga: when you do it like this because it has the touch screen, it becomes an alternative to the Apple I-pad. It is not very good, because it is the first attempt, you can use it like this, so you can put it on the table, you can use it like this, it's meant to be a universal computer, it's a new concept. This was made in China. It was made in China by a company that used to be called International Business Machines. International Business Machines was once the largest maker of modern office machinery in the world; they were the Exxon of yesterday, now it is owned and produced by the Chinese. This corresponds to a strategy, which should Chinese as follows. And I want to argue, because yesterday the Polish foreign minister used 2 terms which I object to. First of all, he spoke to the global economy. Here you will see I view it in the word "new global economy". Because whenever anybody to the west of Russia speaks of the global economy; they mean the economy of London and New York. But I think that the technology, the global economy of the future, to use another phrase from the session we were in, we are now dancing the future. The future is the global economy that will be created by the bricks in the emerging economies. And China has a strategy to become that future. He said the second thing I didn't agree with. He said: you cannot repeat... I think it was him, but somebody said that you cannot repeat China's experience, because they got it right 20 years ago, and you didn't. But what is the alternative? The alternative is America. Well, China began this course of evolution 20 years ago. America began its present course 220 years ago, which is the most modern? The most modern is the course that has been taken by the most successful economy in the world today. Does that mean that Russia or India or any other country in the world should simply imitate? I do not think so. In the multipolar world, which is emerging, the world which is described by Radhika Desai in her new book "Geopolitical economy", which you can buy here, for 300 rubles. In this book she says, that we are living the illusion of the world, which is just one unified market, or just one political power. It was never there in the first place, this is a fairy story, which is shaped basically by the administration of President Clinton. In much the same that the Coca-Cola Company shaped the illusion that there was such a person as Father Christmas, in the course of which they changed the colors from the green, which was originally the color of Father Christmas, to the red, of the Coca-Cola Company, as we know. They didn't have red tractors; they had red Coca-Cola, if you remember. It's an illusion of the same character. Really the world is always being made up of the multiplicity of nations. And we are now entering again the truth of that moment, when the multipolarity that was always underneath was coming out. The question is: What will the relations of those nations and groups be to each other? What will be the relation between the Eurasia and China, and India and Africa?

[00:30:00]

What will this relation be with this economy of the West? My second graph, this one here, I think this is the graph everybody has to read and understand. This is the proportion of services in the industrialized countries, proportion of labor, working in services in the industrialized countries of the world. The graph goes up to the point, where in America is now 86%. This is something that will never go away. You can see, this is a 60-year trend, and all countries are following it. There are 2 illusions therefore we have to avoid. One is that I call the reindustrialization illusion, which actually comes from the notion of stages development, of Walt Whitman Rostow, which is the notion you must always be one step behind the most advanced. If you follow what Radhika has written in her book, she puts forward a very important notion, which was born in Russia – the notion of combined development. Combined development

means that the country can use the most advanced technology that is available in the world, in order to move ahead of the world. So, you lead this very particular combination, which I think China has understood, in conditions that are appropriate for China. So, the problem is to learn a lesson, but do, what is appropriate for Eurasia, instead. They supply the technology that is going to be used by this high-end labor. However, it is not sufficient simply to say: we will produce this high technology. Now, this is understandable, what high technology is, because it is not simply laptop computers. To have a system of advanced world communication, you must have space satellites, you must have a space industry, you must have a materials industry, you must have a rare Earth magnetics industry, you must have a nanotech industry, you must have a buildings industry to create the cities in which people will use these computers. You must have a transport industry, so that people can travel from one continent to the other in 2 days on the train, instead of using planes, which pollute the atmosphere and use up the oil resources of the country. All these things you must do. So, there is an entire industry behind industry, where you cannot rely on an outside source to supply. That you must do. But there's a second, and I finish on this last thing, to do. You must also cultivate that labor, because you have to create the demand for what you produce. You cannot just sell Russian films to Americans, you have to sell Russian films to Russians, and you have to sell Kazakh films to Russians and Russian films to Kazakhs, because there is the common culture, which makes possible the creation of advanced culture, which is the combination of the understanding of all the nationalities and ethnicities, and experiences, which make up your multinational state of Eurasia. Multinational – is one of the advantages, which Russia has, the great advantage actually, before any country in the world, in the terms of constructing and a new global culture. You have to create that demand; you therefore need a labor force, I finish on this, which is educated and in which the talents of individuals have been developed and cultivated from childhood, so they can purchase what you will then produce, using that technological infrastructure that you've created. What I've tried to outline is a strategy for industrialization, which is not just one thing, not just tourism, not just old industry, not just electricity, but the combination that allows the nation to become an independent entity in this multipolar world, in a proud relation with all the other countries, who are travelling the same route.

Дмитрий Евгеньевич: Вопросы? Questions?

Дмитрий Евгеньевич: Вопросы? Questions?

Вопрос из зала: Спасибо, глубокоуважаемый профессор, вы очень точно сказали о том, что деиндустриализация, индустриализация, все это замечательно, но когда вы говорите об успехах Китая, то вы, как профессор и как управленец, должны нам всем сказать, что управляется там, в коммунистическом Китае, по немножко другим принципам. То есть, достижения англосаксонского мира, они основаны на протестантской этике, на том, что мир индивидуализирован. И каждый из нас сражается сам за себя. Вот можете ли вы представить себе, что мир в дальнейшем последует ...

[00:35:04]

Дмитрий Евгеньевич: Так, одну секундочку. Если вы говорите не в микрофон, то переводчик не слышит. И не переводит. Подходим сюда, пожалуйста. Только покороче вопрос, пожалуйста, вы поймите, у меня же выступающие за вами.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Вопрос из зала: Вопрос дуальный. То есть когда говорят о том, что успехи будут впереди, и коммунистический Китай дает пример более успешного рывка, у них есть свои циклы: 12, 24, 180, 360. Они ничего не боятся. Значит, мы со своим трехлетним бюджетным планированием будем топтаться там же, где мы находимся сегодня. Вам спасибо огромное за то, что вы нам глаза открыли, скажите, ребята, ни индустриализация, ни деиндустриализация, - все дело в управлении. Вот как, на ваш взгляд, будет дальше развиваться мир? Мы понимаем, что западный мир у Клинтона и в Европе загнивает, он загниет обязательно. Но что делать нам в России? Нам на вас смотреть, или нам смотреть на коммунистический Китай?

Алан Фриман: You are supposed to look at yourselves. That is my answer. But I'll say one more thing: management is no longer just management of machines in this age we are coming to. Management is management of people. And management of people who are creative cannot be done by instructions. So, a new style of management is necessary, if you are to foster the true creativity of your people. That will mean self-management. So, the technological goal and the human goal are combining in the tasks that we confront.

Из зала: Спасибо!

Алан Фриман: Большое спасибо.

Дмитрий Евгеньевич: Коллеги, у нас список большой выступающих, поэтому первое: я буду давать максимум 2 вопроса, и только прошу спрашивающих не выступать, а формулировать вопрос.

Сергей Дмитриевич: Господин Трюэль - это основатель, управляющий директор Интернейшенал Бизнес Девелопмент. Мы просим его сегодня сделать свой доклад, напоминаем, у нас тут сегодня немножко со временем сложно, последний день работы, 10 минут. Прошу.

Жан Луи Трюэль: Здравствуйте, я буду говорить по-английски, как профессор Фриман. Я чуть-чуть говорю по-русски, но не так хорошо. Ну что, first story. So, I'm also and mostly the professor in university of Paris today, and vice-president of the group Kondratiev, which is gathering economist, and business people. So, my business activity, I should have left it at the door of the university. So, what I wanted to speak about is the industrial and innovation policy. I had to rewrite some of my presentation, while Alan Freeman was speaking, because he said half of the things I was about to say. So, the point is: Is there a need for the innovation policy? In macroeconomic theory there is no need for industrial policy, there is no such thing as industrial policy I would say. In reality, all countries implement a very pro-active industrial and innovation policy. Why is that? Because what is important, is not only the macroeconomic indicators, but the coherence of national economic system. This notion dates back from [inaudible 39:25] 19th century, has been revived in the 20th century, in various forms. One of them is national system of innovation. And this is a concept that has been inaugurated by Professor Chris Freeman, who is the father of Alan Freeman, and I was very glad to see him, because I had discussion with Chris Freeman 30 years ago on this topics and his team. And this is one of the most powerful systems.

[00:40:00]

Concept you can have now in the economy, and if you speak of industrial policy and innovating policy. What is important? 2 notions are important in that. First notion is the notion of coherence of productive systems. So, in one country or group of countries things are linked together, this is what Allan Freeman

mentioned very rightly, and that you cannot split the activities, and the activities are interrelated, first. The second thing is that especially in innovation, but also in industrial policy, there are a lot of non-material factors: these are not only the factors of products at the level of the capital, there are non-material factors, like business environment, support, legal system... What is the link with the other industries? I'll take 3 examples of industrial and innovation policy, very briefly. One is the US. If you look at the literature about innovation policy in the US... I got a friend of mine who has written a book on US growth and innovation, the hand of the state. He didn't say the visible hand of the state, but it was nearly that. And it means, that state has pushed very much its industrial policy in the past 100 years. And after World War II it was even more obvious. So many reasons, I'm not going to elaborate on that but there has been a very strong proactive innovation and industrial policy of the state. In France too we have a very strong tradition of industrial policy. It works in a different way. Basically, the industrial policy friends are based on megaprojects. The first megaproject of industrial policy in France is Versailles. This was the project that has driven the French industry for centuries. And there was also a social concept in Versailles, which was the vertical of power. Вертикаль власти. May be try to bring it about that here, in Russia. So, in France in the 20th century we have these megaprojects, like the high-speed train, like the nuclear power, the atomic power factories. They want this like the others which were very successful, even sometimes, good project also in telecomms. And all those megaprojects give birth to mega companies, which are very successful. But the problem is that it didn't integrate smaller companies, more flexible innovation. And these has changed are since about 8 years now till now with the implementation what we call the cluster, but the innovative clusters to put together large companies, smaller companies and public research systems. And now it makes that for instance, you have a lot of companies, that are very innovative in all the country. It's not on the national level, but it was also on the regional level. And regional level, for instance Paris, is now one of the most innovative areas in France. By the way, it concerns the Pite, can Sankt Petersburg be both tourist place and innovative place. Personally I think yes. I hope so. About Russia. There has been a big debate and discussion about modernization versus reindustrialization. It seems, that you've got to do either one or the other. The point has been put in a more subtle way yesterday, Mr. Yakovlev and Mr. Pronakov said, that we have to push megaprojects. And all the people said "Yes, but we need to push more flexible innovation, and high technology. This is a very relevant discussion for Russia. My point is that if you take the coherence of the production system, you cannot choose only modernization, only small innovative projects, or megaprojects. You have to have the strategy that coordinates both aspects. And you have to coordinate that the innovation has to be linked with the existing economy,

[00:45:00]

in terms of industrial sectors, in terms of geography.

And you have to take it to account the aspect of finance. Financing is extremely important for innovation, I mean for the people, who are interested in; I've got some papers on that, on impact of finance on the development of innovation in several countries, including the US, including France, and, I think, this is one of the weak points in Russia, whether you speak of modernization of your industries. And the third point is the link with institutions. The problem is, in the national system of innovation institution is major issue. And once again, this is something that where there are efforts to be made in Russia about institutions. So, to conclude about the current Russian policy, industrial innovation policy.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

First, very positive point is that the question has been raised, and there are some politicians at the very high level that say "We need to have industrial policy, innovation policy". They don't always agree between them, on which type of policy, but this is normal. I mean, there is no one-size-fits-all. And this is heavy to discuss this for Paris. The point is that, what I see is that in the beginning, in 2008-2009, your innovation policy was export-centered. "OK, we are building a new Silicon Valley, Skolkovo, we are bringing companies that going to export". It works, I mean, there are 1000 companies in Skolkovo. And this is working well. But this is going to be larger, then Skolkovo, but more integrated with the regional link of economy.

And the other region, of course is Siberia, with the Novosibirsk area. I could say, the third one would be St. Petersburg, not yet, at the moment, but it should be like that. Integrated into the industry. So, the point is, whether there is the need for industrial and innovation policy? Yes, but it doesn't have to be by itself, it doesn't have to be off the ground, it has to be connected with the existing industry, economic. Спасибо за внимание.

Сергей Дмитриевич: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, прошу вопросы господину профессору. Прошу вас. У кого микрофон, будьте любезны.

Кочеткова О.В.: Hello, my name is Olesja Vjacheslavovna Kochetkova, I am an associate Professor of managing innovations at Saint Petersburg state university of economics, the candidate of economic sciences. And I have one basic question to you, if you wish, I hope. What kind of terms and definitions of economic system do you suggest to use in modern economic sciences? And the second question. Or should I ask it later?

Жан Луи Трюэль:

No, it's OK. Go ahead.

Кочеткова О.В.: Second question: how do you measure the effectiveness of innovative activities at the enterprise level? Thank you.

Жан Луи Трюэль:

Ok. The answer to the first question: I'm not a concept builder, so I rely on the concept, built by others, so I think you've got other people more concept builders than me. This is the answer. So, if you want the answer about the concrete measurements, you've got several ways of measurement of innovation. The best way is the British saying, which is 'The proof of the pudding is the eating'. It means that you've got innovation, and in some point of time, and you can measure that by the number of international patents. I think, what is really important is the number of innovative companies, and the turn-over of these innovative companies. You know, I don't think that Google deposit some patents, because it's very difficult to patent. But this is the successful innovation, and you don't know really, why at the beginning it was the successful innovation. So, what is important is to have a measurement system that have companies that are in high-tech industries, or first, what is the turnover. And also I think for more traditional industry,

[00:50:00]

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

one very significant indicator is the increasing export. Not for the very low-tech cost industries, but the increasing export for midlevel to slightly higher level industries. And (?) in the Western Europe is a success, because we export a lot. If you have some very strong companies, and specialized teams and all that, and they innovate and they export, this is the success. There is no one single innovator, but I think we still need to do some work - but on that I will be glad to discuss that with you afterwards.

Кочеткова О.В.: Thank you very much.

Казанцев Н. М.: Короткий вопрос, профессор Казанцев, институт законодательства и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, кандидат экономических, технический вопрос. Президент Обама, когда выступал в предшествующий срок легислатуры в национальной академии наук США, сказал, что сейчас...

Жан Луи Трюэль: Не так быстро, пожалуйста.

Казанцев Н. М.: ...обещал, что сейчас мы субсидируем инновационные инвестиции, 1 доллар, в порядке налогового вычета на 1 доллар произведенных инвестиций, но со следующего периода мы удвоим это субсидирование инвестиций. И на каждый инвестированный доллар в инновации, мы будем возвращать инвестору 2 доллара. Мой вопрос в том, совершено ли это регулирование, сделано ли такое повышение стимулирования инноваций в США, или не сделано? Спасибо.

Жан Луи Трюэль: I think, if you ask me to comment on Professor Freeman, I'm not quite sure I can really comment specifically on this point, so I mean, I don't have the answer, maybe you have the answer? Sorry, but это – короткий ответ.

Казанцев Н. М.: Спасибо!

Сергей Дмитриевич: Уважаемые коллеги, конечно, очень интересные вопросы, и для нас очень важна точка зрения наших иностранных коллег, гостей, которые имеют другой опыт, очень интересный опыт. Здесь у нас есть еще один уважаемый специалист, профессор, очень важный человек для нас, Радика Десай. Мы бы хотели дать ей слово, и она презентует также и свою книгу, которую она здесь, сегодня нам показывает, и мы с удовольствием послушаем ее выступление. Спасибо.

Радика Десай: Thank you very much. While I set this up I thought I would give a very brief reply to one of the earlier questions about what constitutes a good definition of economics. I would say that if on the basis on my book, which is the story told in much greater detail, "geopolitical economy, but there are 2 basic things, that you have to remove from the mainstream definition of economics. And that is Say's law, that there are no gluts in capitalism, and therefore also no inherent crisis in capitalism. And, of course, the Say's law assumes for the free markets work domestic (inaudible 00:53:56). And internationally, comparative advantage. If you remove these two assumptions of free market and free trade, you've got a much more realistic economics. And in fact, all the countries, that in the world, that have developed - have developed by, as Alice Amsden said, getting prices wrong, not getting prices right. Getting prices wrong, and by define comparative advantage. But let me go to the main topic of my discussion: thank you very much. I am really pleased to present you another aspect of my work than I did this morning. At this conference I have heard many things that are absolutely really vitally important

and really I'm astonished to hear the strength of the dialog that is taking place in this country. And some speakers like Glaziev and others pointed at this yesterday.

[00:55:00]

One of the big problems that Russia faces today is the efficient use of its capital. And one of the least efficient uses of this capital is to accumulate results, to have high degrees of results and why do we have these results, so that the capital account may remain open. And why do we keep the capital account open? Because the idea is that somehow, capital will flow in, and will be invested in the country. In reality, when you keep the capital account open, they experience of the last several decades has been that in fact the sort of capital, that comes into the economy is typically short-term capital, which is never invested into the productive activities, and therefore, it is actually a hazard and in fact, by keeping the capital account open, you accumulate these results, which are then not invested productively in the economy. This is the problem. Now, one of the things I argue in my book is that this is the cost we are paying for the dollar system. Now, there are many things, that are wrong in our understanding on the dollar system, and I would just like to deal with some of them. The first thing, that is wrong, let me explain first thing that is wrong. You have heard people that the dollar is hegemonic, it's the world's money. You have heard other people say, that the dollar was once hegemonic, but it's no longer so. However, I argue in my book that the dollar was never hegemonic. The Americans tried very hard to create a role for it in the world that sterling used to play before 1914, but both domestic and international conventions had changed to the extent that it was absolutely impossible for the dollar to perform that role. So, one of the things I argue is that before 1971, before the dollar's link to gold was broken, in the 1950^s there was an acute dollar shortage in the world, and in the 1960^s, the moment other currencies became convertible, the dollar shortage was overnight converted into a dollar glut, nobody wanted dollars. Now, what has happened since then is also very interesting, because since that time, the dollar's world role has relied on what I call a series of financializations. I used the word financialization in the plural, it is not the same, everywhere and every time it happens it always has very distinct characteristics. And one of the main things that has played the role since that time, since 1971, is what I call the series of dollar denominated financializations that have incepted a huge cost from the rest of the world. And, of course, as we know that the United States has its own advantages from that. It basically borrows money, a dolchief (?) for the rest of us. And then, a good part of this money is actually used to acquire productive facilities in the rest of the world. For which the United States also gain the much greater return then the rest of the world gains from the United States. So, that's the situation now, of course, the theory of hegemony encourages us to believe that look, you may not like this, but this is just the way it is, the dollar is hegemonic, like it or not. I would like to persuade you, this it is all [inaudible 58:38]. And that what seems like a continuous domination of the dollar since 1945, is in reality not a silly continuous dominance, but the result of a series of strategies, a series of attempts, by the United States, to create a world rule for the dollar, each of which has failed, and has had to be replaced by another. And I would also like to add, that today since the 2008 financial crisis, the extent to which the United States can even attempt this has been radically reduced. So, we have a very different scenario, in which I would say, that the dollars world rule is due to be phased out very quickly, whether it happens gradually, or catastrophically, it's something, that we cannot predict, but it will happen. This chart simply shows that what I mean by the series of financializations, this goes just capital outflows in the world as a whole, from 1940-2000, and you can see, that capital flows extremely low, until early 1970s, this is the first of the series of financializations, which I call the petrodollar-based lending, which was largely done by the first-world countries and it ended in the third world debt crisis.

[01:00:00]

Here is another one big white piece of the puzzle, is Japanese financing of the American twin deficits in return to which the Japanese got the access to the American market. Another thing that, by the way my story underlines, is the fact that many people imagine that the United States is in complete control of what happens to the dollar. But in fact this is anything but the case. Each of these strategies have failed for reasons beyond the United States control and these reasons are only multiplying. Here is another piece of financialization, this is the East-Asian financing crisis. Unfortunately this graph ends before 2000, but if you had a stock market bubble it would be even bigger and the housing bubble would be even larger. So, these are the series of financializations and if you look at them, this is the graph of the dollar strait weighted index since early 1970^s. And as you can see, the circular trend of this goes downwards. And there are only two of up ticks here. One here in early 1980th, and another one in the late 1990th, both of which were contrived by US authorities, but neither of which lasted for very long. So, this was based on Volcker shock. The Volcker shock induced the recession in the United States afterwards that used to be cost that had to be paid, for the US to retain the dollar's world rule. And, by the way, another element of my argument is that of course the rest of the world has paid the large cost for this role to be maintain, but so have the working people of the United States. And this has lessons for the extent to which we can imagine the post-dollar world order as the one based on the internationalization of the other currencies, or whether we should think about arrangements, such as those recommended by Keynes, at the end of the Second World War, for a super sovereign currency, a proposal that was recently also dusted off and recalled and recommended once more, by the governor of the People's bank of China. The second up-tick you see is the stock market bubble. This is of the financialization which was in the last couple of the rest donor cities of asset inflations. So, this is one of the points that I want to make. One of the reasons, why I think the United States dollar world rule is bound to end is what you see here. Again, this is the cross-border capital flow, this is from the report of the McKinsey global institute, you can see that in the 80^s and even into the 90^s the - compared to what came later, - the extent of international capital flows was actually quite low, this is the pick of the stock market bubble, where again flows are up, and these are all dollar denominative flows, so effectively this constitute the rest of the world lending the US money, and then this here is the huge bubble constituted by the housing bubble recently. Since then capital flows have collapsed, and then they have recovered, but the really interesting thing is that despite that instant recovery, international capital flows remain 60% short of the previous pique. So, what is generally known as financial globalization is not continuing. One of the other remarkable things about the international capital flows situation is the following chart, which I also think tells many truths, which are not generally widely recognized. As some of you may know, when in the 2008 financial crisis struck, George W Bush, even went - he has never been known for great intelligence, but he actually went so far to say, that all these prices have been caused by the Chinese. You know, these Asians, they save too much. And then they lend it to us and we have the financial crisis, etc. In reality, if you look at the actual growth of the capital flows around the world, these are bar charts going from 1995 to 2007 and then they collapsed, and then there is a slight recovery here, and each bar is divided into different parts, and the share of emerging Asia includes China, is this yellow color here. And you can see, that it is not small, but it is not huge. The biggest part is this grey-green color here. And this grey-green color represents technical flows between the advanced industrial countries, in particular between the United States and Europe.

[01:04:57]

This is the real reason, why Europe has suffered. I mean, everybody calls the recent financial crisis global. I think, this is complete nonsense, if you actually look at - yes, every country suffered a little bit, but the biggest pain was concentrated in the United States, and in the European Union. So, as I say, every financialization has its own distinctive patterns, and we have to understand, what it is. We can't diffuse this that it means the same thing that in every time and every place. And this is what 2008 financialization meant, it was also very intimately caught-up in the lousing of the Europe, and what came from that. So, basically, this is... I'm finishing, one minute, so, basically, what you have here, in this situation, where - the Europeans became massively invested in the US housing bubble. This is what this chart says, and then, of course, they had to take the losses, and that created this weakened European financial institutions, they have created the basis for the Euro crisis that would occur 2 years later. I would just end with this particular chat, perhaps, I have few others, but I won't go into that, this chart shows the declining role of the dollar, as an international reserve currency, the rising role of the euro, and also this line at the bottom here, are other currencies. And I would think, that you would expect that these trends will continue, other currencies will be used more, but one more thing, there are also more and more arrangements being made around the world, to completely eliminate the dollar and other international currencies, from trade with countries agreeing to trade in each other's currency. Thank you very much.

Сергей Дмитриевич: Thank you very much. Questions?

Дмитрий Евгеньевич: Короткий вопрос.

Вопрос из зала: Перспектива Биткойна?

Сергей Дмитриевич: Special валюта: Bitcoin.

Радика Десаи: Bitcoin, oh, Dear. I think, that Bitcoin is really overblown in terms of its importance, I think, that in general, you require a government to create a currency. I mean, I could go on about it, but without government there are no currencies.

Сергей Дмитриевич: Еще, пожалуйста, вопросы. Уважаемые коллеги, госпожа Радика Десаи - профессор Виннипегского Университета, она представляет Канаду, очень близко к США, и она говорит: «Уважаемые друзья, обращайте внимание на национальные валюты». Я думаю, что те санкции, которые говорят ее соседи, американцы, помогут нам осознать это на практике.

Дмитрий Евгеньевич: Вот я сейчас послушал выступление представителя Канады и понял. Когда-то я спросил у одной канадской девушки: «За Вами ухаживать можно? У вас не как в Штатах, что взглянешь на девушку, и тебя тут же обвинят в домогательствах?» Мне девушка ответила: «Спокойно, – говорит, – ты запомни: мы канадцы, мы не американцы». Но, тем не менее, я подумал, я пока еще думал, может, звонить уже, потом нет, не буду сейчас звонить супруге, чтобы она бежала менять доллары на рубли, которые у нас дома есть немножко. Решил не звонить пока. Это к слову.

Сергей Дмитриевич: Уважаемые коллеги, я бы предложил следующим дать слово нашему гостю из Санкт-Петербурга, нашему коллеге, доктору экономических наук, профессору, заведующему кафедрой экономической теории, экономического факультета, нашего большого Петербургского

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Государственного Университета, Виктору Тимофеевичу Рязанову, очень уважаемый экономист у нас в городе, прошу Вас, Виктор Тимофеевич.

Рязанов В. Т.: Поскольку у нас конференция и не обязательно делать большие доклады, можно уже просто делиться впечатлениями о том, что было услышано, а услышано было много интересного и полезного, поэтому я тоже позволю в начале несколько небольших комментариев по поводу вопросов, которые были предметом обсуждения.

Но, поскольку я из Петербурга, я не мог не обратить внимания на вопрос Дмитрия Евгеньевича по поводу центра туризма в Санкт-Петербурге.

[01:09:44]

Хочу сказать, что в 90-е годы тогдашний мэр нашего города, Собчак, выдвигал такую идею, и я участвовал в комиссии в Министерстве экономики Ленинградской области, которая тоже там кое-что анализировала. И в чем главная проблема, в том, что Санкт-Петербург может, и должен быть центром туризма – это бесспорно, и вопрос только в том, может он быть только центром туризма или что-то должно быть еще в дополнение. И расчеты показали, что если мы развиваем сугубо туристический кластер, так назовем это, то мы теряем более 1 миллиона рабочих мест, куда мы денем людей? В тот момент население города было 4,5 миллиона, сейчас около 5 миллионов, это не считая структурной безработности, потому что нужно еще переподготовить людей с тем, чтобы направить на эту отрасль.

Ну и опять же понятно, посмотрите, очень известные страны, которые ориентируются на туризм – Испания и Греция. Где самый высокий уровень сегодня безработицы? Греция и Испания – 25-27%, поэтому для того, чтобы экономика нормально развивалась, мало туризма, это, конечно, очень важная отрасль, которая позволяет неплохо зарабатывать, и когда есть ресурсы, то надо их использовать, но делать ставку на только туристический комплекс – это, конечно, здесь можно получить больше негатива.

Дмитрий Евгеньевич: В Стамбуле улицы, конечно, шире, чем в Санкт-Петербурге.

Рязанов В. Т.: Улицы-то улицами, но вопрос в другом. Ездить надо, вопрос-то не в этом, а в том, куда мы денем 1 миллион работников.

И второй вопрос, который тоже уже поднимался, по поводу индустриализации. Я не знаю, я считаю, что более точно и правильно говорить новая или неоиндустриализация, поскольку реиндустриализация предполагает восстановление, а здесь же идея какая – соединить восстановление реального сектора экономики, но на новой технологической базе, и в этом смысле самый главный стратегический замысел этой концепции с этим связанный.

Третий момент, который я хотел бы тоже осветить. Дмитрий Евгеньевич сказал вчера, что главное, чтобы наше будущее не оказалось не сырьевым. Поскольку проблема в том, что наша страна является ресурс обеспеченной. По оценке ООН, таких стран примерно 60 в мире, которые имеют свой хороший ресурсный потенциал, но мы из этой достаточно большой группы стран достаточно серьезно выделяемся в лучшую сторону и цифру назову следующую: что доля населения примерно 2%, сырья мы производим 12% мирового промышленного производства. И цифра еще одна конкретная: если мы пересчитаем по производству и потреблению в целом энергоресурсов, мы займем 3 место в мире, но на душу населения мы производим 9 тонн. В сравнении с развитыми странами, которые, в лучшем случае, США – 4,8, мы, конечно, страна обеспеченная.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

При этом из 9 тонн на экспорт уходит 4,8, то есть фактически мы половину наших энергоресурсов, которые являются потенциалом дальнейшего экономического роста, мы просто даем мировой экономике, мы обеспечиваем, и, понятно, зарабатываем на этом. Поэтому здесь это нужно иметь в виду.

Но я хотел бы обратить внимание на несколько моментов, которые не связаны с сырьевым комплексом. Первое, нужно не противопоставлять развитие сырьевого комплекса и необходимость новых инноваций, технического переворота и так далее. Дело в том, что сегодня сырьевой комплекс, особенно нефтегазовый – это одна из самых передовых отраслей с точки зрения новых открытий и нововведений. И надо сказать, что наша экономика этого сектора, начиная с советской экономики, она всегда отличалась в лучшую сторону, поскольку много технических изобретений были либо созданы, либо активно использовались в нашей экономике. Но даже известный сегодня используемый метод денежного разрыва уже активно в 60-е годы использовался в нашей экономике и, между прочим, для городской области есть город Сланцы, где мы добывали сланцы. Сегодня происходит сланцевая революция, она у нас произошла в 60-70 годы и на сланцах работала прибалтийская ГРЭС в Эстонии. У нас уже сланцевая революция произошла 20 с лишним лет назад! Поэтому это нужно иметь в виду.

И сегодня, если мы посмотрим нынешнее состояние нашего сырьевого комплекса, то конечно, его надо поднимать прежде всего, его надо оживлять. Некоторые цифры я все-таки назову, поскольку они о многом говорят.

[01:14:45]

Ну, вот известно, что два показателя очень важных с точки зрения оценки эффективности работы этого сектора – это коэффициент извлечения нефти из недр, он сегодня у нас опустился до, примерно, 25%, плановой экономики, потому что понятно, что не внедряются новые, поэтому вырабатываются старые, мы не можем уже больше доставать от этого. В советской экономике было 50%, и мы говорили, что это мало, что половину нефти оставляют в недрах, но сегодня-то оставляем $\frac{1}{4}$.

Второй очень важный показатель – это глубина переработки нефти, нам важна не сама по себе нефть как таковая, а нужна ее переработка. И тут ситуация тоже, к сожалению, удручающая. Сегодня глубина переработки не превышает 35%. Известно, что в других странах 70-80%, наиболее передовые технологии уже позволяют 90,8% и больше процентов. По нашей аналитической программе к 30-му году планируется, прогнозируется довести глубину переработки до 65%. Это что, технологический рывок? И мы рассчитываем на то, что будем и дальше благополучно развиваться на основе сырьевого комплекса?

Резко возрастают затраты. Если упадут цены, то наша отрасль, которая сегодня нас кормит, она просто превратится в убыточную отрасль для нас. Кстати, это было, когда цена была 10-12 долларов, наши издержки в среднем 15 долларов за баррель, то есть мы уже должны были в то время, в 90-е годы, датировать эту отрасль с тем, чтобы обеспечить ее успешное развитие, только заниженный курс рубля позволял маскировать неубыточность производства в данной отрасли.

Вот это первый момент, который важно отметить и, конечно, второе направление, связанное со ставкой на сырьевой комплекс – это не только повышение уровня добычи нефти, но и, естественно, повышение уровня переработки нефти, мы должны больше перерабатывать. Сегодня мы перерабатываем меньше половины нефти, причем степень переработки такова, что мы здесь

не столько выигрываем, сколько проигрываем. В итоге получается парадокс, что с точки зрения мультипликатора, переработанное производство всегда приносит больший доход. Для наших компаний нефтяных не выгодно перерабатываться нефть, потому что по таком уровне переработки много не получишь. Там не нужен мазут в таком качестве, или бензин низкого качества, поэтому они покупают нашу сырую нефть, либо полуфабрикат, и дальше вырабатывают нормальный продукт, бензин необходимого качества, масла и так далее. И получают тот уровень добавленной стоимости, которая обеспечит эффективность работы данного сектора. Так что нам надо сюда тоже достаточно серьезные усилия, и одно из направлений, во всяком случае, начальной фазы неоиндустриализации, вот именно все-таки особое внимание к этому сектору.

И последний момент, на что я хотел бы обратить внимание: дело в том, что сегодня мы подходим к этому комплексу как к комплексу, который нас сегодня кормит, который обеспечивает возможности для неоиндустриального разворота. Но дело в том, что сегодня нужно к нему относиться уже по-иному. Дело в том, что нынешние политические реалии, а уже и экономические реалии, говорят о том, что обеспеченность сырьем является одним из важнейших условий и предпосылок обеспечения сбалансированного и устойчивого экономического роста. Те страны, которые такими ресурсами располагают, они потенциально и располагают возможностями для не просто экономического роста, а устойчивого, сбалансированного роста. Что значит сбалансированный рост? Это тот рост, в котором оптимально обеспеченность соотношения внешнего и внутреннего спроса. Сегодня наше это соотношение очень существенно нарушено, и мы должны восстановить нормальное значение и роль внутреннего спроса, поэтому относиться к этому нужно именно с этой стороны.

И последнее, что я хотел бы сказать. Позавчера я прочитал, и, наверное, вы тоже уже слышали об этом, что всемирный банк уже дал оценку пока еще не назначенных санкций, а уже предполагаемых, падение 1,8 потери ВВП за счет того, что нам просто чуть-чуть перекрывают наши финансовые каналы. То есть наши кредиты, которые получали наши компании, будут не столь дешевые, уже за счет этого у нас почти на 2% упадет ВВП, поэтому тем более мы должны обратить внимание на проблему устойчивости хозяйственной системы. И я думаю, что одна из задач новой индустриализации – именно вернуть устойчивость и сбалансированность собственной экономики. Спасибо за внимание!

[01:19:28]

Сергей Дмитриевич: Спасибо, насчет кредитов это правильно. Кредиты будут, наши еще выше банки дают кредит, спросите у промышленников, потому что кто санкции вводит, не наши ли собственные банки для нашей собственной промышленности. Так, вопрос? Рано убежал, профессор, вопрос хотя бы задать.

Пустыгина В.: Вера Пустыгина, аспирантка Российского экономического Университета имени Плеханова. У меня такой вопрос к Вам. Вот Вы говорили про разбалансированность экономики, про соотношение внутреннего и внешнего спроса. На Ваш взгляд, для сбалансированной экономики каково должно быть это соотношение? Спасибо.

Рязанов В. Т.: Спасибо за вопрос. Сбалансированная экономика – где нет ни дефицита, ни профицита, как по платежному балансу, так и по торговому балансу, вот Вам самые главные и основные показатели.

Сергей Дмитриевич: Как говорил герой одного романа: «Ну, чтобы всем, и все».

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Ну ладно, тогда продолжаем наш разговор, переходим уже к нашим коллегам. Я хочу, знаете, тут экономисты много говорили, всегда наши экономические концепции хорошо бы на язык сухой правды переложить. Вот у нас присутствует здесь коллега из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Казанцев Николай Михайлович. Давайте, Николай Михайлович, ответьте за все. Больше некого спросить.

Казанцев Н. М.: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич, за предоставленное слово! Здесь я бы хотел выступить в нескольких аспектах, но главное, что я сюда принес – это подход, связанный с квалификацией экономических состояний.

Когда-то в 2008 году, в августе месяце тогдашний Министр финансов Кудрин заявил, что наша экономика является островком стабильности и тихой гаванью. После этого через неделю тогдашний руководитель Правительства сказал, что фирма «Мечел» очень нехорошо себя ведет: продает на внутреннем рынке металл по более высокой цене, чем на внешний рынок. На следующий день акции фирмы «Мечел» рухнули на 30%, а через день рухнули акции всей биржи, и с этого момента начался экономический кризис в нашей стране. И, кстати, уровень падения ценных бумаг в 4 раза произошел, и это тот самый уровень, на котором сейчас находится наша российская биржа. Поэтому вот мы не говорим сейчас о том, что у нас большой кризис, а, на самом деле, то падение, которое было, в течение месяца тогда произошло, мы сейчас находимся на этом же самом уровне. Но при этом мы не квалифицируем нынешнюю экономику как экономику кризисного состояния.

Поэтому есть такая проблема: как квалифицировать ту экономическую реальность, которая перед нами есть? Для квалификации ее могут использоваться экономические показатели. В советское время в свое время считали такой зловерный показатель, редко приводили по нему статистику, как, например, соотносится средняя цена килограмма экспортируемой продукции со средней ценой килограмма импортируемой продукции. То есть, весь экспорт и весь импорт перевешивается. И я видел тогда такие данные, что, например, один килограмм импорта в среднем был 2 рубля 20 копеек, а один килограмм экспорта, как вы догадываетесь, был около 10 копеек. И этот показатель зловерен тем, что он квалифицирует страну и ее экономику, потому что, если вы являетесь более развитым, чем ваша сфера экономической деятельности субъектов, то, конечно, тогда он у вас выше единицы, а если вы менее развиты экономически, то тогда ваше состояние, наоборот, ваш импорт значительно дороже экспорта.

Но есть проблема квалификации в связи с тем, что мы начинаем разрабатывать всяческие стратегии, они пишутся на вербальном языке, они пишутся словами. И при вербализации этих стратегий у нас используются разные характеристики, не только такие, как у Кудрина, но и немножко другие, и для того, чтобы построить спектр возможных квалификаций и стратегий, для этого необходимо применить какой-либо метод к пространству смыслов, которые формулируются.

[01:25:00]

Для чего важны такие квалификации и показатели? Они нужны для того, чтобы, когда вы разрабатываете какую-то конкретную стратегию, например, точно оценить, в каком положении находится ваша экономика и ваша страна, или другой субъект права. А, во-вторых, посмотреть, куда вы можете передвинуться по этой таблице.

Вот эта таблица построена методом морфологического анализа, который был разработан швейцарским астрономом Фрицем Цвикки для нужд его работы над НАТОвскими проектами в

качестве системного энергетика. После этого он получил свою будущность и стал человеком, из Швейцарии переехал в США и достаточно много сделал для создания различных управлений программами и конструирования различных стратегий, связанных с национальной безопасностью. Есть общества морфологического анализа, есть исследования, я в своей статье ссылаюсь на эти исследования. Эта таблица – составное предложение, оно включает в себя три блока, в аналитической модальной логике, в модально-деонтической логике и телеологическая, потому что каждая стратегия – это соединение трех модальностей. Модальность аналитическая, характеризующая необходимое и возможное состояние субъекта вашего стратегирования, модальность деонтическая – это правовая модальность, что является обязательным, что является разрешенным в развитии вашего субъекта. И модальность телеологическая, что является для него целесообразным, что является осуществляемым.

Надо сказать, что впервые я вот эту модальную логику для экономики применил в своей кандидатской экономической диссертацией и тогда Дмитрий Евгеньевич написал на него отзыв, на мой автореферат, положительный, конечно, это было 30 лет назад.

А дальше идут модусы, которые характеризуют качество экономического состояния. Есть период выживания. Вот ельцинская наша экономика, об этом и многие писали, что наша задача – выжить, выживать, мы выживали, мы искали какие-то функции, и находили их, и вот мы нашли функцию – мы функционируем во внешнем мире как сырьевая экономика.

Мы сейчас для того, чтобы начать развиваться, чтобы реализовывать какую-то конструктивную политику, нам нужно вначале научиться обогащаться. То есть, нам нужно иметь наработки. И, действительно, это реализовывалось уже в 2000 годы, в период президентства Путина, мы сформировали какой-то золотой запас, хотя сейчас он ниже, чем корпоративный долг. Корпоративный долг у нас за 600 миллиардов долларов, а наш золотой запас – около 500, но это не страшно, и президент Путин сказал, что это нормальная ситуация, это действительно так.

В условиях скажем такой внешней констрикции нашей страны, которая может сейчас развернуться, это может иметь значение, но, тем не менее, обогащаться – мы обогащались. А для промышленного развития, для перехода в следующее состояние, необходимо научиться формулировать позитивные конструктивные стратегии, а затем созидать свою среду и потом уже править.

Следующий модуль состоит из двух частей. Вот вторая часть, она разворачивается на левую и правую сторону. Здесь высшее состояние, когда субъект управляет своей средой и только своей внутренней средой со своими гражданами и юр. лицами, регистрируемыми в нем, но и внешней средой, средой деятельности на внешних рынках, глобальных и региональных рынках. Но достижение этого состояния не может быть без креативности, без творчества, без созидания внешних и внутренних партнеров.

[01:29:44]

И я поведаю тезисы, в некоторой степени это – гипотеза, что непрерывность перехода от одного модуса к другому – очень важная характеристика экономики, в СССР этого не было. Мы перепрыгнули и мы фактически пытались реализовывать стратегию могущества на всем земном шаре, хотя имели большие дыры внутри этой матрицы. И когда мы столкнулись с реформами, даже и сами причины реформ, у меня есть статья «Правовые причины распада СССР», потому что Горбачев подписанными им законами привел страну к распаду. Действительно, был закон,

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

который в начале перевел все автономные состояния в составе РСФСР в режим субъектов союза СССР, а через месяц закона переводит всей субъектов СССР на самофинансирование и хозрасчет. И он их подписал.

Поэтому проблема квалификации – она важна. Вот, кстати, промышленная политика США. В нашем Институте в 2005 году мы издали книгу «Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации». Я описал экономическую безопасность там, и я, в частности, описал, как делается промышленная политика в США на материалах, которые разработчик промышленной политики в США каждый год (это у нас принято переводить как «Министерство обороны», на самом деле это Департамент Правительства), вносит в Сенат каждый год доктрину промышленной политики, которая является открытой частью. Вот там же было написано на сайте Департамента, что есть секретные части. Там определяется допустимое поглощение, слияние, допустимая продажа технологий, какие страны являются близкими США, какие противники, кого следует ограничивать, но там есть критерии для оценки качества промышленной политики США, и этот критерий удивителен. Это фактически промышленная политика США направлена на обеспечение высшей в мире боеспособности каждой единицы армии США. Вот эти тактические единицы передового, до стратегической единицы армии на фронтах возможных действий.

Поэтому мы говорим о промышленной политике, и проблема квалификации, она решается будет тогда, когда мы будем ставить такую целевую квалификацию для целевого состояния нашей промышленной политики. В какое мы должны перевести состояние, в течение какого времени? Здесь очень сложные стоят задачи, и наш Институт занимается промышленной политикой и публикацией с 2003 года достаточно активно, и мы здесь помощники и соратники, у нас есть монографии на эту тему, поэтому мы поддерживаем тоже здешние ваши результаты.

И я не случайно задал вопрос в завершении об американском субсидировании инноваций. Действительно, президент Обама нарушает все ВТОшные нормы, вводит налоговые вычеты, по которому вы, инвестор миллиона долларов в новые разработки в течение конца года по подтверждению, что это инновации – вы возвращаете себе, действующий порядок, получаете миллион долларов из казны Государства. А по новой норме, которая была им объявлена, я не знаю, она введена или нет, это 2009 год, вы должны будете получать 2 миллиона долларов вместо 1 миллиона долларов, потраченного на инновации. Большое спасибо!

Дмитрий Евгеньевич: Вопросы? Спасибо. Белозерова Зинаида Михайловна, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Зинаида Михайловна!

Белозерова З.М.: Изменения на современной промышленной политике. Я бы хотела обратить ваше внимание, что промышленная политика у нас должна все-таки начинаться с металлообработки, и металлообработка у нас должна перейти к новым типам технологии.

Сейчас много говорят о восстановлении станкостроения, подготовке токарей, фрезеровщиков, я бы хотела вас познакомить с новыми технологиями, которые существуют в металлообработке на примере научно-производственного объединения «Сатурн». Мы практически в авиации перешли ко всем новым технологиям металлообработки, в том числе, вертолетостроения, самолетостроения, Иркутск, Комсомольск на Амуре, практически все предприятия авиационной промышленности уже перешли на эти новые формы обработки.

[01:35:21]

Я хотела бы вам показать: сейчас все станкостроение перешло на машинообрабатывающие центры. На примере цехов я хотела бы вам показать эти машинообрабатывающие центры. Смотрите, вот эта установка, последняя, для литья, металлическая, она заменяет примерно несколько десятков станочников. Если раньше нам требовалось примерно 61 пересмена, 180 человек, сегодня, если на трехсменный режим работы, 3 человека плюс 6 человек обслуживающего персонала, наладчики, механики, это обслуживающий персонал, электрики. Примерно в несколько десятков раз ниже производятся затраты металлообработки, чем в старой промышленной установке.

Теперь все эти машинообрабатывающие центры – они все малолюдные, и когда встает вопрос, куда девать оставшихся рабочих, в том числе сегодня поднимали по Петербургу, я должна согласиться с сообщением наших зарубежных коллег. У нас большая часть наших работников должна перейти в сферу сервисного обслуживания, потому что все аппараты и агрегаты современных машиннообрабатывающих центров работают на очень сложной электронике.

К сожалению, мы пока такие аппараты не выпускаем в машинообрабатывающих центрах – мы можем их пока только покупать за рубежом, и то нам их не продают. Но я должна вам сказать, что наши многие губернаторы пошли другим путем. С помощью китайских коллег, они приобрели через Китай, например, Дальний Восток для авиации приобрел такие машинообрабатывающие центры, и сегодня практически все предприятия авиастроения работают уже по новым технологиям.

Для того чтобы поднять наше машиностроение, нам, видимо, придется пройти этот путь. Но я должна сказать, что на этих аппаратах в машинообрабатывающих центрах не могут работать не только рефрезеровщики. Здесь работают инженеры со специальным технологическим образованием, и работники. Вот НПО «Сатурн», которое закупило эти аппараты, примерно от 3 до 6 месяцев учились по месту приобретения оборудования: в Японии, Италии, Франции. То есть, кроме нашего высокотехнологического образования, которое получают в физтехе или в авиационном институте, они прошли еще дополнительное обучение, потому что на этих аппаратах очень сложные программы и требуют дополнительных знаний в освоении управлением сложным технологическим процессом.

Все это, конечно, не безнадежно, но требует огромных государственных усилий. Я согласна в том, что нам надо в какой-то мере устранять Государство от управления предприятиями, но в то же время должна поставить вопрос для обсуждения, что нам без помощи Государства не оплатить, потому что все эти машинообрабатывающие центры очень дорогие. Для предприятия они просто не под силу, для индивидуального предпринимательства, тут только возможно приобретать и осваивать технологии. Наши дешевле стоят, но они требуют все-таки очень больших государственных денег. Вот эта установка, которая находится в кадре, стоит 7 миллионов долларов, то есть это не под силу никакому предприятию. Наши олигархи как-то не приучены, нам надо политику наших олигархов, чтобы они все-таки вкладывали в развитие народной промышленности.

[01:40:08]

Это коротко, я хотела ознакомить вас хотя бы со стоимостью технологии, потому что очень много говорят о машиностроении, но никто не говорит о том, что начинать надо с металлообработки, с этого начинается промышленность. Спасибо.

Сергей Дмитриевич: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, есть ли вопросы к докладчику? Нет. Спасибо большое. Уважаемые друзья, я бы предложил сейчас продолжить нашу тему реального сектора представителю промышленности, наша фармацевтическая промышленность. Марина Борисовна Герина из Санкт-Петербурга, она председатель комиссии в общественном совете по малому предпринимательству при губернаторе Санкт-Петербурга. Марина Борисовна, прошу Вас.

Герина М. Б.: Сильно задумалась, находясь на форуме академической экономической науки. Нам, людям, которые находятся в реальном секторе, достаточно сложно говорить о текущем моменте, потому что с точки зрения цивилизованного человека, мы все прекрасно понимаем, что кризис, который мы наблюдаем, понятно, что он далеко не экономический, а глубоко философский, и самое главное – морально-этический. И не должны экономисты рассматривать те проблемы в единстве, которые сейчас есть во всем мире. Это должны представители философской науки, представители гуманитарной части человечества, потому что в действительности мы ушли от основ. Не зря человек назван гуманоидом, первично мы должны вернуться к этому понятию, а потом уже начинать все таблицы и графики, и колонки цифр. Мы должны найти этот самый гуманизм, который мы цивилизационно потеряли. Это я вам с точки зрения практика хочу сказать. И мы не должны бороться за научные амбиции, мы сейчас все вместе должны бороться за выживаемость нашей цивилизации и слышать друг друга. Не бороться, а слышать, и слышать на разных континентах. Нам дается шанс выйти на ту самую новую когнитивную экономику, а не упасть в эпоху феодализма, что, собственно, нам и грозит. Поэтому это должны осознать все. И сейчас это, в принципе, удел каждого. Потому что то, что произошло в последнее время с нашей страной, тот моральный дух, который мы потеряли, и мы начали его находить, показал тот выход цивилизационный, в частности, для нашей страны, что для нас самое главное – найти ту самую национальную идею, вспомнить кто мы и зачем. Только вот с этих позиций мы можем пойти вперед, и мы видим, что это, к счастью, реально.

Теперь хотелось бы вернуться к практике. То, о чем мне всегда и приходится говорить. Сейчас в мире достаточно популярно кластерное движение. И мы находимся, с какой-то точки зрения, у истоков этого движения в России. Мы являемся ветеранами кластерного движения в нашей стране. И когда мы занялись кластерным строительством, мы увидели, что, в принципе, это модель, которая может служить неким кирпичиком следующей экономической формации. Потому что она гуманна в основах своих.

[01:44:29]

Давайте посмотрим, как зарождалось, и что такое кластеры в Российском понимании. Кластеры в России – это те самые доценты с кандидатами, люди, которые довели с начала 90-х свои научные разработки до реального рынка. В тяжелейших условиях, когда у них не было никаких инструментов в то время: ни банковских, ни венчурных, люди реально выжили, сделали свои разработки конкурентоспособными на российском и международном рынке, и вот это те самые герои наши, которые реально могут двигать нашу экономику вперед.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Вот, посмотрите, пожалуйста, рост нашего кластера с 27 компаний до 127, здесь уже немножко устаревшая цифра: на сегодняшний день у нас 14 тысяч сотрудников в кластере, 70 стран экспорта и 350 патентов, 70% из них – зарубежных.

Что является проблемой с точки зрения рынка и инновации. В принципе, это всегда – инновация всегда рождает сопротивление рынка, а уже так сказать в медицинской сфере – это особое сопротивление. Понятно, что это сопротивление бывших поколений производителей, и это сопротивление непосредственно клинической практики, потому что врачам, клиницистам приходится изучать что-то новое, приходится обучаться. И реально, кто выигрывает от реальных инноваций в применении клиники, это, разумеется, человек, который должен получать лучшие методы, получать лучшие методы лечения, лучшие возможности.

Как наши английские коллеги поступают в этом случае. Они прекрасно осознают, также как в любой точке мира, что одна из самых основных проблем не изобрести что-то новое, особенно в медицине, а внедрить клиническую практику, и это проблема общая, общемировая. Тут звучала уже тема поощрения внедрения инноваций. Как это решается в Англии. Эта система называется в Англии «Push Innovation». Почему Push? Потому что англичане рассчитывают экономический эффект от клинического внедрения той или иной инновации. Его, разумеется, можно посчитать, потому что это снижение койко-дней, это понижении фармоёмкости лечения. От внедрения инноваций, всегда это расчетно, сложно посчитать снижение смертности, но это основное, ради чего мы работаем. И рассчитав этот экономический эффект, они на сегодняшний день 2% от этого эффекта передают в клиники, которые внедряют инновации. Вот это уже и есть «Push Innovation».

Помимо всего этого, они разработали некую сетевую структуру, которая всем этим занимается на уровне Англии. Эта сеть включает в себя и академическую часть, потому что реальные инновации в медицине внедряются через академическую науку и клиническую часть, и в действительности уже начала эта система очень эффективно работать, я предлагаю присмотреться к этому опыту и нашим коллегам, что касается наших систем внедрения инноваций в клиническую практику.

Второй инструмент, который существует в мире по внедрению инноваций – это технологические платформы. Технологические платформы – это зарубежный инструмент, который выводит инновацию на рынок и инструмент, который за время рождения инновации готовит рынок к ее рождению, когда она готова, рынок тоже готов ее воспринять. В российском исполнении на сегодняшний день ведущая наша платформа, соучредителем которой мы являемся, она, в общем-то, у нас и лучшая, она на сегодняшний день объединяет проекты зонтичного типа, который предусматривает в себе, что все инновации, рожденные на этой платформе, будут таким образом также продвигаться на рынок.

[01:49:30]

Что мы придумали у себя в регионе. Мы доказали Правительству города, что инновации в сфере медицинского приборостроения во всем мире рождается в области малого и среднего бизнеса. И наше Правительство, первое в стране, поддержало наш кластер строчкой в бюджете города и, таким образом, у нас есть возможность очень быстрого внедрения в клиническую практику. Примеры такие были, что наши коллеги, которые поставляли во весь мир и, в частности, в федеральные учреждения, с 2010 года только поимели опыт работы с клиниками и ЛПУ нашего города. Получили экономические эффекты всех уровней, которые здесь представлены, которые я еще озвучила.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Есть у нас некий системный подход внедрения инноваций на территории целых регионов. Например, здесь несколько примеров таких, живых. Это внедрение телемедицины, которая показывает и экономический эффект на целые территории и области нашей страны, и, разумеется, понижение смертности. Я считаю, что нельзя оценивать экономически, что не везде подходит жесткий монетарный подход, это и губит всю нашу цивилизацию, потому что мне кажется, что они входят в жесткое противоречие: возможность творчества и жесткий монетарный подход, вот думайте над этим, мы это чувствуем на практике.

Таким образом, мы наладили межкластерное взаимодействие, сейчас очень плотно работаем с Москвой. Чем хороша Москва? Я должна сказать, я же в гостях. Москва хороша тем, что мэр этого города ввел в бюджете 5% бюджета на закупку инновационной продукции российских производителей. Это первый город, который ввел такую практику. Здесь, в общем-то, видно, как мы лоббируем интересы наших производителей, используя государственный подход, используя выезды нашего представительства в Правительство города, во все области и здесь мы показали, как мы взаимодействуем с международным кластерным движением. Спасибо, коллеги!

Сергей Дмитриевич: Вопросы?

Герина М. Б.: А самое главное, коллеги, что я не успела, это то, что мы нашли метод с нашими финскими партнерами продвижения инновации страна-страна, то есть у тех людей, у которых есть опыт внедрения инноваций двадцатилетний, точно также у финской стороны. Практически, мы нашли возможность создания площадки продвижения инновации Финляндия-Россия, дальше мы будем с Англией, с Германией. Если есть такой опыт, то мы можем делать это интернационально.

Сергей Дмитриевич: Есть вопросы? Пожалуйста!

Комментарий на англ. [01:53:03 – 01:53:36]

Герина М. Б.: Это не вопрос, это уже комментарий.

Сергей Дмитриевич: Да, это комментарий. У меня вопрос: скажите, пожалуйста, в общем объеме реализуемой вашим кластером продукции фармакологической.

Герина М. Б.: Мы не фармо, мы медицинское приборостроение.

Сергей Дмитриевич: Извините, какая доля экспорта?

Герина М. Б.: Мы не экспортируем, мы производители.

Сергей Дмитриевич: Погодите, а вы кому-то это продаете?

Герина М. Б.: А, мы производим и поставляем в Россию и за рубеж.

Сергей Дмитриевич: Какая доля поставки за рубеж в процентах?

Герина М. Б.: Средняя от 120 предприятий приблизительно 12%, а остальное на Россию. Пока мы будем расширяться, для этого мы и работаем.

Сергей Дмитриевич: Еще один вопрос, пожалуйста.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Вопрос из зала: У меня вопрос такого характера: скажите, пожалуйста, сколько составляет процентов у вас закупки государственного сектора. Сколько вы поставляете в частные больницы, в клиники и так далее, частный сектор сколько процентов закупает у вас, и сколько государство?

Герина М. Б.: Конечно, есть госзаказ.

[01:55:00]

По всей стране на все 120 предприятий. Не 100%, конечно, но мы таких вычислений еще не делали, перед нами просто не ставил никто такой задачи. А причем тут предприятие, у меня 120 предприятий, я не могу сейчас все сложить, за свое могу сказать. В среднем где-то 70%, и еще частные есть.

Вопрос из зала: Потому что мне кажется, что без...

Герина М. Б.: Доля госзаказа в медицинской промышленности существенна, и это нормально.

Вопрос из зала: Конечно, тем более инновационная продукция.

Герина М. Б.: А сейчас, хоть меня коллеги все время перебивают, я все-таки хочу сказать, что наш кластер будет вместе с московским кластером поставлять безвозмездно в Крым медицинскую технику, в центральную больницу Севастополя.

Сергей Дмитриевич: Спасибо большое, спасибо Марина Борисовна. Вот вы видите, уважаемые коллеги, что человек хорошо подготовлен теоретически, является практиком, лоббистом и в лучшем понимании этого слова – замечательной российской женщиной, которая коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет и расскажет нам, как дальше строить нашу политику.

Владислав Владимирович Спицин, Томский политехнический университет. Просим!

Спицин В.В.: Добрый день, темой моего выступления является оценка результативности развития вида экономической деятельности, то есть, подраздел АДЛ обрабатывающей промышленности России. Это направление реализуется в рамках общего направления «моделирование и эффективность развития сложных социально-экономических систем мезо-уровня», которое рассматривается на базе двух томских Университетов. Вот команда, которая работает по этому общему направлению.

Моя тематика – оценка эффективности развития. Кратко расскажу о методологическом подходе. Эффективность рассматривается как комплексное многоаспектное понятие и оценивается с различных позиций. Анализ с различных подходов к определению категории эффективности позволил выявить, что одной из существенных ее характеристик является результат, и определить три направления оценки эффективности: оценка результативности, экономичности, соотношения результата и затрат, и оптимальности, как оптимальной структуры системы.

В данной работе проводится анализ результативности развития подраздела ДЛ, производство электронного и оптического оборудования на основе данных статистики России. Были определены 5 видов результатов и показатели для оценки достижения этого подраздела по каждому направлению. Я расскажу наиболее интересные моменты из анализа, сам анализ, конечно же, целиком показать в ограниченное время невозможно.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

Экономические результаты. Здесь подраздел ДЛ занимает достаточно скромную позицию, как вы видите, около 6% доля в отгруженной продукции, и она не возрастает, то есть вот эта тенденция улучшения не происходит, хотя это, как раз, связано с высокотехнологическими производствами отраслями промышленности.

Социальный результат. Здесь ситуация немного иная, здесь уже подраздел ДЛ занимает 5 место по численности занятых, почти 800 тысяч человек работников, но занятость быстро сокращается на российских предприятиях, то есть, это негативная тенденция. И также подраздел ДЛ формирует значительную долю годового фонда оплаты труда, он здесь тоже входит в число лидеров и значительно превосходит, например, «Кокс и нефтепродукт», потому что большая занятость. То есть это социально-значимый подраздел обрабатывающей промышленности России.

[01:59:37]

Экономическая безопасность, третье направление. Здесь для оценки экономической безопасности, тенденции, которые здесь происходят, был рассчитан темп роста за 2006-2011 годы в разрезе форм собственности, и выявлена достаточно интересная тенденция. В целом, подраздел ДЛ за этот пятилетний период обеспечил прирост 200% отгруженной продукции, а иностранные предприятия, предприятия в иностранной собственности, обеспечили прирост 600% отгруженной продукции, и это второй показатель после подраздела ДЛ, после транспортных средств и оборудования. Но, в отличие от ДЛ в подразделе ДЛ вектор оборудования у России еще пока сохраняется преобладание российских предприятий, 80% на них приходится объем производства, хотя их доля начала сокращаться, естественно, это может повлиять на экономическую безопасность страны в будущем. Здесь, в принципе, то же самое, более подробно, более четко выражено.

Далее, следующий этап анализа – это пространственная структура. Анализ в разрезе регионов. Сегодня уже многие докладчики отмечали, что кластерный подход, кластерное развитие, оно, конечно же, происходит на территориях, и кластеры необходимо формировать. Были определены 11 регионов-лидеров по объему производства в 2011 году. Они у вас приведены на слайдах и проанализированы темпы роста производства в разрезе этих регионов и доля российских предприятий. Установлено, что 11 регионов, в целом, немного быстрее обеспечены темпы роста, чем Российская Федерация, 236%. Но, если посмотреть результаты, то мы видим реализацию здесь двух стратегий: стратегия догоняющего развития, реализует Калужская область и Пермский край. У них темпы роста 800% и 438%. Здесь развитие идет за счет создания иностранных предприятий, как раз, вот тех иностранных предприятий, о которых я говорил. Но есть регионы, которые реализуют и стратегию опережающего развития – это Санкт-Петербург, Свердловская область, Нижегородская область, республика Татарстан. У них результаты скромнее: от 250% до 360%. Но, тем не менее, они выявляются, они есть, и мы можем трактовать это, как возможные точки роста, которым, конечно, надо помогать. Часть вот этих регионов, тоже надо отметить, 4 из 11 регионов, входит в ассоциацию инновационных регионов России.

Далее, последний этап анализа, анализ цепочки наукоинновации инвестиций в бизнес по доступным статистическим данным. ДЛ за этот период на 2011 год стал лидером по численности работников, занятых научными исследованиями и по внутренним затратам на исследование разработки по данным в абсолютном выражении. Среди отраслей обрабатывающей промышленности ДЛ стал лидером, потому что во многом там сохраняются еще российские предприятия. Раньше лидером был ДМ, но там сейчас большая часть производится на

иностранных предприятиях, и он уступил это лидерство в течение буквально нескольких лет. Но вот то, что здесь есть такие показатели по науке, не находит отражения в инновациях. Посмотрите 11 регионов, они дают более низкие показатели инновационной продукции и затрат на инновацию, чем в среднем по России. Вот такой парадокс. Регионы-лидеры по объему производства оказываются менее инновационно активными, чем в целом по России.

Вот такие были проведены этапы анализа, и теперь кратко перейду к выводу из исследования. Во-первых, выявлено, что ДЛ развивается преимущественно по инерционному сценарию, то есть, мы не видим опережающего развития вот этого подраздела по сравнению с обрабатывающей промышленностью. В целом, темп роста около 200%, как и вся обрабатывающая промышленность. Доля не возрастает объема отгруженной продукции, но на уровне отдельных территорий выявлены признаки догоняющего и опережающего развития. Анализ позволил выявить два барьера, препятствующих развитию ДЛ, и вы их видите на этом слайде.

[02:04:48]

И далее, те темпы роста, которые я вам представил, которые были рассчитаны по данным статистики, они показывают, что механизмы стимулирования, которые используются, недостаточны для опережающего развития ДЛ. Иностранные предприятия демонстрируют восьмикратные приросты продукции, четырехкратные, а российские только двукратные. То есть потенциал роста есть, но у российских предприятий нет условий, нет поддержки для того, чтобы этот потенциал реализовать. Представляется целесообразным сочетание стратегии догоняющего и опережающего развития, и требуется также совершенствование федеральной региональной статистики, поскольку, конечно, хотелось бы больший объем информации для проведения исследований. И на последнем слайде показаны предлагаемые этапы развития подраздела ДЛ, которые могли бы быть использованы. Благодарю за внимание, готов ответить на ваши вопросы.

Дмитрий Евгеньевич: Спасибо большое, прошу Вас.

Кочетков С.В.: Кочетков Сергей Вячеславович, Санкт-Петербургский Государственный Университет аэрокосмического приборостроения, профессор, доктор экономических наук. Вы показывали стратегии развития. Но прежде вы показали, каким образом и в каких направлениях оцениваете эффективность. Хотелось бы уточнить, эти стратегии оценивались по каким показателям и какой показатель целесообразнее из этих использовать для каждой из стратегий? Может быть тот парадокс, о котором вы говорили, связан с тем, что, может быть, не соотношение было показателей, и в соответствии с этим получились такие значения? Вот какой из этих показателей целесообразнее использовать в той или иной стратегии? Спасибо!

Спицин В.В.: Благодарю за Ваш вопрос. В принципе, он понятен, но я вернусь еще на один слайд назад. Эффективность рассматривается как комплексное многоаспектное понятие, и предполагается оценивание по различным системам показателей. Допустим, если мы будем говорить о той же стратегии догоняющего развития, первоначально, конечно же, это рост объемов производства. Но затем, в будущем, в перспективе, чтобы эти предприятия встроились в цепочки и начали работать не только на российский рынок, но и на экспорт. Это как перспектива. Потому что они, к сожалению, в цепочке нашей встраиваться не очень-то готовы. И занятость на них меньше, то есть, на них вот эти эффекты подвисают. Что касается стратегии опережающего развития, то здесь мы можем говорить о целом наборе показателей и об увеличении объемов производства, и о решении социальных проблем занятости и так далее, и тоже в перспективе. Сейчас по

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

опережающему развитию речь должна идти все-таки не об экспорте, а об возврате внутреннего рынка, который утерян. А уже следующий этап – экспорт.

Дмитрий Евгеньевич: Спасибо большое! Уважаемые коллеги! Время у нас поджимает. Я предлагаю отпустить нашего уважаемого докладчика, и предоставить слово нашему гостю издали, профессору из Нью-Йорка, главному редактору журнала «Наука и Общество», профессору Дэвиду Лайбману. Please.

Дэвид Лайбман: Thank you. Спасибо! Здравствуйте. I will of course continue in English. I feel almost out of my depth at this conference. I come from far away, and you are discussing everything in such detail and you are discussing the crucial question of what to do, how to initiate a new progressive phase in Russian economic and social development, how it'll go forward. And I am hearing an enormous variety of very specific proposals. Yesterday and today there were proposals to emphasize certain regions, one speaker spoke about the development of Siberia. Now we have a concept of sectors, clusters and looking at different stages of production. I think the question underlining all of this is "Why has there been in the past 20 years or so, 25 years now, such a profound setback in economic and social development in Russia?"

[02:10:05]

Why was Russia one of the leading countries of the world 25 or 30 years ago, be set with many problems to be sure, and now has lost ground to other countries and other places? Why is Russia not fulfilling its potential?" Now it's not my job to answer that question. I am not here to do that and I don't have an answer. But what I will say is that every country needs to begin with its own history. Beginning with its own history in Russia means specifically addressing both the limitations and achievements of the Soviet era. And I do know something about that because unlike some of you in this room I visited a Soviet Union, actually saw it and was here then. But more importantly because these problems are problems for the entire world, they don't belong to any one country. There are many lessons that the rest of us can learn from this history. I think there are three false ideas that need to be confronted. And I can't elaborate on all of these now, because of limitations of time. The first of these is that crimes and distortions of the Stalin era were the results of socialism as such, they were part of, and they were due to the socialism. I just used the word socialism loosely to mean general public control of the economic process combined with widespread participation by workers in that process. So that's the first. The second is that the new Russia, whatever it's going to be, has to reject the entire 20th century experience. And the third is that we should allow the West, and we know that means largely the United States, to define what the criteria are for entering into the ranks of the civilized nations. This will not be defined by any one country. This will be reinvented and redeveloped for each country specifically. Now the general question of which, the question about what path forward for Russia is a question about what to do to confront the neo-liberal hegemony, what to do about austerity, and deregulation and dismantling of the social economy, that we call a neoliberalism. And it's happening everywhere in the world and this impact has been felt here too. There is Keynesian answer. The Keynesian answer seems simple and obvious, simply to extend demand, to push the demand for goods by monetary easing, quantitative easing, by public works, by various different methods. And the question is "Will this fundamentally work?" Now the Keynesian answer is most popular answer on the political left in the United States and in the Western Europe. All of the most prominent people who addressed the question of the crisis in the European Union, for example, what to do about the countries particularly affected by that crisis and also the United States. It's Keynesian. And you probably know about the names of economic commentators Paul

Krugman and Joseph Stiglitz and others like that. Will this Keynesian answer be sufficient? And my simple answer to that question is “No, it will not”. Macro policy is not providing a simple way out of the crisis. There is no new Golden Age of capitalism. I’m skipping because of time but I can elaborate on that argument. Government standing and political regulation cannot solve the crisis, given the existing arrangements of property and power. Now, here I believe is where the 20th century’s Soviet experience comes in. There are vital nuggets of positive Social experience, summed up, perhaps, in the following phrase: Institutionalized activism and social planning. What I’m suggesting is that to drive home the Keynesian anti-austerity position, rejecting the neoliberal free market dogma will require decisive support from socialist traditions. This is far short of instituting socialism or bringing about socialist economy for societies. I’m assuming that it’s not a political perspective today.

[02:15:03]

What we're trying to do, from various different points of view, is get a statement, get some kind of energetic approach to the question of what can we do within the framework of existing societies. And here I believe that the Soviet experience can enable Russia and other post Soviet countries to add to what otherwise comes from us in the West as a very abstract theoretical visions of required institutional change. This is a debate within a worldwide progressive coalition which has two components. People who seek to fashion progressive capitalism on the one hand and there are many such people here at Moscow Economic forum, and others who believe that progress will eventually require us to envision transcendence of capitalism as such. Now I’m exactly saying: “Let that debate unfold”, let the debate unfold as we develop common programs for progressive transformation in Russia and in other countries, but progressive people in Russia should not assume that Russia must always follow the West. There is a wealth of political maturity and wisdom here latent in the working people of this country based upon the Soviet traditions which politically repressive as they were in many respects, nevertheless involved systematic participation and control over production, over finances, over social funds in a very rich system, about which many of you know more than I do, but which many people in the West know nothing. And we have to educate them. If we can cross the barrier, which is preventing many working people in this country from allowing any political forces to speak in their name and I think we understand the sources of that very well, Russia may be able to make a unique and important contribution to the worldwide anti-austerian coalition. It needs to do this by reaching for its socialist history. It’s a problematic and troubled history, to be sure, but Socialist nonetheless. And success in this conference and ever would not be just for Russia then, you know it’s not just for here. You try to find answers to the problems that you face, but it matters in profound ways to us all, because you will make a very important contribution beyond the usual Keynesian and abstract theoretical talk that we have in the West, from an experience which can contribute something very rich to the way forward for not only Russia but for the world in whole.

Дмитрий Евгеньевич: 5 минут, вашей рукой, и подпись стоит.

Из зала (не представился): В двух словах, о чем идет речь. Которые затрагивают инновационные СМИ. В общем, сфера достаточно инновационная, здесь зеленая линия - это затраты на технологические инновации в промышленности, фиолетовая – это затраты на исследования и разработку. Они отслеживают друг друга, и примерно в соответствии с ростом ВВП идет их рост. Процент где-то около 1%, на протяжении уже десятилетий.

[02:19:59]

Но, если в промышленности тенденция эта сохраняется, то общие расходы на технологические инновации в 2011 году вдруг пошли вверх, и очень резко, так, что за два года увеличились в 1,5 раза. Следовательно, мы имеем дело с объектом, которого не знаем попросту. Там происходят какие-то неожиданные скачкообразные изменения, в которых нам надо разбираться.

Вот еще вернемся к промышленности. Сильнейший рост идет в сырьевых производствах, и вялый рост инноваций высокотехнологичных. Хорошо, нас ждет сырьевое будущее и здесь тоже, в инновациях. Вот верхний график – это сырьевые затраты, нижний график – высокотехнологичные и машиностроение. Видите, разрыв образовался в 2007 году и примерно сохраняется.

В чем же дело? А дело вот в чем. Если говорить о статистике, просто отрасль науки и научного обслуживания не существовала. Сейчас исследования и разработка выведены в самостоятельный вид деятельности. И оказывается, что внутри этого вида деятельности осуществляется третья часть технологических инноваций. Молодежи стало меньше, вот мой призыв разобраться в этом деле, что произошло, как может вид деятельности, не обладающий опытной мощностью производства, малой мощностью, за каких-то два года выйти на такой уровень коммерциализации изобретений? Причем даже по количеству изобретений наука и образование превзошли промышленность по количеству используемых изобретений. Да, движение родилось не сразу, поддержано в 2009 году постановлением, даже федеральный закон о малых предприятиях, совместных проектов с промышленностью, но это уже было постфактум. Рост пошел раньше, тоже с какого-то 2007 года, когда в промышленности возобладали сырьевые инновации и отрасли. Здесь мы имеем дело с каким-то компенсирующим явлением. Не будем вдаваться в мистику, но эта система способна совершенствоваться сама.

Сергей Дмитриевич: Спасибо Вам большое! Уважаемые коллеги, у нас есть еще несколько минут буквально для того, чтобы выступил наш следующий и завершающий выступающий. Господа, у нас время заканчивается. Тут скоро будет пленарное заседание, которое завершающее, мы не можем пропустить. Поэтому у нас убедительная просьба. Если есть еще какие-то вопросы, в кулуарах пообщаться. Но сейчас я хотел бы дать слово нашему следующему и завершающему выступающему. Вы знаете, есть такая замечательная книжка: «Куда Кейнс зовет Россию». Эту книгу я читал с большим интересом, сегодня здесь автор этой книги, наш известнейший российский экономист, Солтан Дзарасов, доктор экономических наук, профессор и наш великий ученый. Особенно приятно, что он работает в Институте экономики Российской Академии наук.

[02:24:41]

Солтан Дзарасов: Мне кажется, что название нашей секции сформулировано не очень верно. «Планирование и промышленная политика»: ни о каком планировании промышленной политики в наших условиях, мне кажется, не может быть и речи. И вот Виктор Тимофеевич выступал передо мной, приводил цифры, и он подтверждал это, потому что, если бы было планирование, если бы была промышленная политика, цифры были бы обратными, более положительными.

Конечно, это не значит, что мы не должны об этом говорить, мы это должны обсуждать, но мы должны осознавать, что экономика развивается не столько в соответствии с тем, о чем говорят и что предлагают ученые и даже политики, а сколько в соответствии со своей собственной логикой. Наша экономика отражает модель свободного рынка, которая отстаивает неограниченную свободу предпринимательской деятельности, свобода нас заманивает. Свобода! Ну, давайте свободу.

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

В наших условиях – это в принципе феномен. Вот петербургский автор, может быть, вы его знаете, Волков, потому что это петербургское издание, у него я прочитал, что это феномен силового предпринимательства, то есть, бизнес, построенный на основе криминального насилия. Вот что у нас существует. Согласно докладу Global World Report исследовательского Института в Швейцарии за 2013 год миллиардеры в мире владеют 1-2% всего богатства, а в России – 110 миллиардеров владеют 35% всего богатства. Вот это что значит?

Кроме нашего форума бывает еще гайдаровский форт, вот там об этом не говорят, а вот здесь об этом надо говорить. Откуда и почему так, за 20 с небольшим лет мы оказались впереди всей планеты и у нас небольшое количество людей сосредоточило все богатства у себя? За 400 лет развития те не смогли, а мы за 20 смогли. И что это за феномен?

Видимо, потому, что криминальным путем осуществляется невиданное до сих пор перераспределение национального богатства. Успешная промышленная политика и модернизация экономики в других развитых странах тоже осуществляется не по доброте души, не потому, что они добрые капиталисты, а потому что без этого нельзя, без этого не выживешь, без этого не сохранишь свое богатство и тем более его не умножишь. А у нас, наоборот. В нашей могиле, наоборот: можно увеличить свой капитал рейдерством, с помощью госчиновников, и не замораживать себе голову техническим прогрессом и модернизацией.

Переход к нынешней модели имел для нас, для нашей экономики и населения катастрофические последствия. Вместо бешеного роста экономики произошел обвал, и производство ВВП в 98 году осуществилось до 57% уровня 90-го года, данные мирового банка. Правда, потом начался некоторый рост экономики, да, и рост экономики после такого падения. Но если у нас рост сам по себе? Рост экономики в статистике определяется по сравнению с максимумом предыдущего года, а здесь рост экономики по сравнению с 97-98 годом – это не рост, это восстановление называется экономики, восстановительный период. А есть ли рост по сравнению с 90 – я не знаю, я копался в цифрах, но точно установить не смог. Времени у меня нет, а так бы я поделился.

[02:30:11]

Особое беспокойство вызывает то, что за это время произошел катастрофический рост смертности населения. В советское время, которое такое-сякое, плохое, смертность составляла 8-10 человек на 1000 населения. В ходе реформы оно поднялось до 16,9 в 95 году, правда, в прошлом году – 13,5. По расчетам, которые я произвел, за это время сверхсмертность составляла 9 миллионов человек. 9 миллионов человек жили бы сегодня здесь, но их нет, они в могилах, потому что они расплатились своей жизнью, реформа потребовала этих жертв.

Что это все значит? Это значит, что одежда с чужого плеча, англо-саксонская модель экономики нам не подходит. У меня нет времени говорить, но Кейнс, издали, еще до того, как он побывал в советском союзе, об этом написал, он написал, что русские – не коммерческий народ, и к коммерции дело не имеет, а гений русского народа – иного рода, духовная культура. Как Кейнс это понимал, а мы, живущие здесь, этого не понимаем?

Вы знаете, когда готовился к форуму, то меня умоляли, я не хотел выступать. Десять раз мне звонили, а теперь никто не хочет меня слушать. Ну, давайте я закончу тему. Давайте, я не буду это говорить. Я скажу только о том, что мы присоединили, благодаря недалёковидной политике западных лидеров, таких плохих лидеров на Западе, как сейчас, никогда в истории не было. Они способствовали тому, что Крым бросился в наши объятия, и теперь нас обвиняют, почему мы их

приняли. Но они бросились к нам! Но дело в том, что эйфория здесь не подходит. Нет, и это обостряет международную ситуацию, раз! Эскалация противостояния, а, во-вторых, надо опасаться того, как бы завтра крымчане не сказали: «Не так хорошо было в Украине, но и Россия не так уж хороша, потому что и дела у нас не так хороши». И если наступит это разочарование – то это будет иметь трагические последствия не только для них, но и для нас. Спасибо!

Дмитрий Евгеньевич: На вопросы уже нет времени. Тем не менее, хочется дать всем желающим слово, но у нас осталось ровно 3,5 минуты. А вы ведущим собираетесь дать слово? Вместо ведущих послушаем ваш вопрос, договорились?

Сергей Дмитриевич: Уважаемые друзья, я очень извиняюсь за то, что мы не можем сейчас в последний момент, обсуждение надо останавливать, потому что у нас есть время, сообщают постоянно, что надо идти туда в зал. Я очень благодарен всем, кто сегодня нашел время выступить. Я, безусловно, искренне извиняюсь перед теми, кто не успел что-то еще сказать, у меня у самого вчера, если помните, господин Бабкин дважды останавливал, я не успел тоже что-то сказать на пленарке. Я благодарю еще раз и хочу сказать, что мы понимаем, что новая модель экономического роста не вырабатывается за один час, за минуту. Но я думаю, что все, кто сегодня выступал, внесли понимание того, каким образом нам идти к решению этой задачи, спасибо.

Дмитрий Евгеньевич: Я просто хочу сказать, и, если хотите, поставить задачу для дальнейшего размышления. В первой части, когда с утра собирались возле круглого стола, магистрант один хорошо сказал, что не надо забывать историю. Профессор Лейбонт тоже говорил о том, что нужно помнить исторический опыт и так далее.

[02:35:16]

Если ли у России не сырьевое будущее? Я хочу напомнить просто всем присутствующим, что в прошлом году исполнилось 350 лет с 1663 года, когда была написана книга «Политика» Юрием Крыженичем, сербом по происхождению, где были следующие слова, я цитирую дословно. «Надо крепко-накрепко запретить, ослушников наказывать, чтобы за рубеж не вывозилось никакого сырого материала, а чтобы дома наши люди делали готовые изделия и их вывозили бы за рубеж». Изменилось с тех пор с 1663 года только одно, там я пропустил, в скобочках Крыженич перечисляет этот сырой материал как то: лен, конопля и пенька. Список изменился, сейчас коноплю нельзя выращивать и экспортировать, все остальное осталось так же.

В этом году исполнилось 190 лет с тех пор, как первый российский политэконом Иван Посошков отправил книгу в Санкт-Петербург, где тоже было написано о том, что надобно нам вывозить не сырье, а чтобы полотна, в общем, делать готовые изделия и вывозить за рубеж. Он не читал Крыженича, но, как говорится, 190 лет спустя повторял.

В прошлом году исполнилось 120 лет с тех пор, как в программе русского союза промышленников предпринимателей России в 1883 году было написано: «До сих пор российская экономика базировалась на вывозе сырья, в то время как это самое дешевое, а надо делать дорогие, готовые вещи». И сегодня мы все это повторяем.

Я очень не люблю критиковать правительство по одной простой причине: научная логика действий и мышлений – это одно, политика – это совсем другая наука, совсем другие критерии и прочее, и не надо их смешивать. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Я призываю задуматься над научной проблемой, почему исторически, вы видите, в разных экономических системах

Конференция №5 «Евразийская интеграция: создание нового игрока в глобальной экономической системе»

воспроизводилась сырьевая экономика России, что это за механизмы действовали? Вот это научная проблема, которую надо решить. А политикой пусть занимаются политики. Хочу сказать, что лично я оптимист. А я и не могу быть другим, у меня сыну 15 лет, что, его отец должен быть пессимистом, с пессимизмом смотреть на свою страну? Не будет этого, будем работать. Спасибо! Спасибо большое и все желающие на пленарную конференцию.

[02:38:28]